

Политико-теологические идеи русского религиозного радикализма XVII – XX веков

Составной частью истории русской политической мысли является обширный комплекс политико-теологических идей религиозного радикализма XVII – XX веков.

Эти идеи имеют эсхатологическую природу, тесно связаны с аскетическими практиками и даже, как можно предположить, проистекают из них.

Идеи русского религиозного радикализма не рождаются внутри церковного раскола второй половины XVII столетия, а предшествуют ему.

Центральное место в этом религиозном мировоззренческом комплексе занимает концепт «духовного антихриста». Под «духовным антихристом» понималась не конкретная личность, которая должна прийти в будущем, но всеобщая апостасия, отступление в сторону зла, якобы, воцарившееся в России.

Преимущественно Россия, а не весь мир, находится в центре внимания данного круга идей.

В XV – XVI веках Московское царство мыслится как «Третий Рим», точка сбора всей оставшейся в мире истинной православной церковности под скипетром великого князя Московского, а затем русского царя. Россия, как отмечал С.В. Перевезенцев, опознавалась тогда не столько в качестве обычного государственно-политического образования, сколько как «Новый Израиль», духовная общность, путешествующая сквозь историю в Царство Небесное.

Сразу после Смутного времени можно констатировать духовный расцвет монашеской духовности, стремящейся одновременно выстроить новую социальность, основанную на эсхатологически-аскетических началах. Однако затем начинается рационализация русского религиозного политикума, кардинально меняется сам церковный дискурс благодаря польскому идейному влиянию через Украину. Раскол можно рассматривать как следствие этого процесса рационализации и вестернизации.

Концепт «духовного антихриста» предполагает, что Россия отпала на сторону зла, «Новым Израилем» теперь является не вся Россия, а только та или иная общность «верных». Главой такой общины мыслится Царь-Христос. Вступить в нее можно только выйдя из прежней социально-политической и духовной реальности, отвергнув его, что символизировало новое, повторное крещение.

Сообщество «верных» являет собой истинную Церковь, то есть предельную сакральность. Соответственно, лежащий вне ее границ мир основан на Анти-церкви, анти-сакральности.

Основой такой антисакральности полагалась господствующая Церковь, якобы совершающая лжетаинства и освящающая собой власть духовного антихриста.

В подобном идейном поле государственные власти, переписи, налоги, бытовая новизна начинают восприниматься как раскрытие власти коллективного антихриста. Этот антихрист духовно порабощает людей, делает их своими послушными орудиями.

Совершенно очевидно, что при предельном осмыслении и проговаривании всего этого круга идей невозможно молиться за государственную власть и благословлять ее.

Такое предельное понимание не было характерно для всего старообрядчества. Вопрос о возможности духовно признавать государственную власть вызвал разделение как внутри беспоповцев, так и внутри поповцев.

Из беспоповцев в XVIII столетии выделились различные радикальные течения, отказывавшие власти в молитве за нее. Наиболее оформленным из них можно считать странников-бегунов. Это массовое движение было основано на идее духовного странствования православного христианина и радикальной отделенности его от падшего мира.

Значимой политологической проблемой является возможность или, напротив, невозможность маркировать бегунов и другие подобные более или менее радикальные движения (например, федосеевцев) в качестве представителей религиозного анархизма.

Странники не отрицали принцип власти как таковой, они основали свою собственную параллельную властную структуру в виде тайного сообщества конгрегаций, судебных, законодательных и распорядительных органов. Странники-бегуны, федосеевцы и прочие религиозные радикалы продолжали мыслить себя как носителей идей Святой Руси, противостоящей воцарившемуся в России злу. Странники выписывали для себя и особые паспорта, в которых указывалось, что они, якобы, выданы в Небесном Иерусалиме Иисусом Христом.

Устойчивые, организованные общины странников-бегунов существовали до самого распада СССР. Если первоначально они распознавали печать антихриста в двуглавой орле, где, якобы, коллективный антихрист обозначался третьей, верхней короной, то затем начали видеть такую печать в советском гербе.

Массовые движения, отрицающие возможность молиться за власть, существовали и в поповстве. В эмиграции (на территории Австро-Венгрии и Пруссии) и внутри России представители поповских, то есть, в отличие от беспоповцев, сохраняющих церковную иерархию, общин отвергали возможность записи в метрики, прививки от оспы и, самое главное, поминовение власти за проскомидией на Божественной литургии. Именно вопрос об отношении к молитве за власть и, признании или непризнании сакральности/антисакральности господствующей Церкви разделил во второй половине XIX столетия так называемых «окружников» и «неокружников».

При этом внутри самой Русской Церкви существовали тайные мистические движения хлыстовского типа - хлысты, скопцы и другие подобные течения. Члены их тайных общин, «кораблей» в большинстве случаев себя от Церкви не отделяли. Они оставались активными прихожанами, но искали новую идентичность и новую общность в эсхатологической идее Царя-Христа. Совершаемые ими коллективные радения должны были актуализировать эту общность.

Ряд современных исследователей ставят под вопрос выводы дореволюционных чиновников и церковных миссионеров, утверждавших, будто бы члены хлыстовских и скопческих «кораблей» верили, что Христос и Богородица заново воплощаются в их лидерах.

И радикальные религиозные конгрегации бегунов, федосеевцев, неокружников, и подобные же внутрицерковные конгрегации-«корабли» хлыстов и скопцов основывались на эсхатологическом восприятии мира и аскетических практиках, в первую очередь – Иисусовой (в старообрядческих движениях) / Иисусовой молитве (в новообрядческом хлыстовстве). И человек, и сама конгрегация мыслились в качестве пространства «обожения». Антропология и политическая теология русского религиозного радикализма поэтому должны рассматриваться через его христологию.

К подобным радикальным движениям примыкали последователи праведного Иоанна Кронштадтского, маркировавшиеся их противниками из либеральной бюрократии, журналистского и миссионерского сообществ в качестве «иоаннитов». По сути, иоанниты представляли собой религиозно-политическое движение нового типа, пытающееся занять господствующее положение в право-монархическом лагере. Перед нами противоположные бегунам представления о сакральности господствующей Церкви. Внешний мир погружается в зло благодаря отступникам от Церкви, но продолжает сохранять свою сакральность. В центре круга идей иоаннитов оказываются Страшный суд, который раскрывается через общую исповедь у праведного Иоанна Кронштадтского и Новый Иерусалим, уже открытый, как они верили, в Евхаристии.

После установления Советской власти, именно иоанниты оказываются наиболее яркой частью катакомбного движения. Катакомбы XX века, фактически, усвоили ведь русский радикальный религиозный дискурс. Более того, например, в Подонье,

сторонники патриарха Тихона начинают занимать пещерные комплексы, ранее использовавшиеся бегунами-странниками. Коллективным антихристом теперь предстает не царская, а Советская власть. Лежащая в основе этого антихриста лжесакральность первоначально обличается в лице обновленческой церкви.

Думается, что пафос отрицания декларации 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) находится именно в плоскости идей русского религиозного радикализма вообще.

Представители современного православного алармизма, наподобие сторонников бывшего схиигумена Сергия (Романова), интуитивно разделяя часть представлений русского религиозного радикализма, остаются непоследовательными. Они не проговаривают до конца идеи, связанные с «духовным антихристом» не как личности, но в качестве совокупности всей власти и всей мировой апостасии вообще.

Литература:

1. Виталий (Уткин), игум. «Бегство от Вавилона» vs общая исповедь как Страшный суд (эсхатологические воззрения русского радикального старообрядчества и последователей святого праведного Иоанна Кронштадтского) // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С. 143-159.
2. Виталий (Уткин), игум. «Иоаннитство» как интерпретационный миф: политика, СМИ и Церковь // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С. 143-159.
3. Виталий (Уткин), игум. К характеристике постсекулярности в свете истории российской секуляризации: православное духовенство как инструмент модерна в Носсии XVIII - первой половины XIX веков // Тетради по консерватизму. 2019. №3. С. 97-110.
4. Виталий (Уткин), игум. Образ власти в старообрядческом поповстве // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С. 376-393.
5. Виталий (Уткин), игум. Эсхатологические основы конгрегации в русском религиозном разномыслии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. №6. С. 77 – 87.
6. Перевезенцев С.В. Истоки русской души: обретение веры. X-XVII вв. М., 2015. 526, [1] с.